

Аликаева Лариса Солтанхаметовна, Ткаченко Светлана Александровна
ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ФОРМЫ В ТРУДАХ А. МАРТИ

Любой язык отображает мир, но отображает его с определенной точки зрения - той точки зрения, с которой смотрел на него народ, создавший тот или иной язык. Следовательно, в любом языке представлены два аспекта: один связан с отражением в языке объективной реальности как таковой и другой - идиоэтнический, который отражает уже не мир как таковой, а точку зрения на него со стороны носителей этого языка. В данной статье рассматривается внешняя языковая форма, ее сравнение с внутренней языковой формой в германских и тюркских языках (на примере трудов А. Марти).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-2/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 2. С. 40-45. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Аксаков С. Т.** Записки ружейного охотника Оренбургской Губернии. Рассказы и воспоминания охотника. М.: Правда, 1987. 268 с.
2. **Гаджихамедов Н. Э.** Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. Более 5000 пословиц и поговорок. Махачкала: Лотос, 2015. 304 с.
3. **Газов-Гинзберг А. М.** Был ли язык изобразителен в своих истоках? М.: Наука, 1965. 183 с.
4. **Горький М.** Фома Гордеев // Горький М. Собрание сочинений: в 18-ти т. М.: Художественная литература, 1960. Т. 3. Произведения 1889-1901. С. 7-227.
5. **Дмитриев Н. К.** Грамматика кумыкского языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 206 с.
6. **Есенин С. А.** Повесть Яр // Есенин С. А. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Художественная литература, 1967. Т. 4. Проза, статьи и заметки. С. 7-142.
7. **Житков Б. С.** Джарылгач. Л.: Детская литература, 1980. 335 с.
8. **Карпунин С. А.** Звукоподражательные слова в русском языке: дисс. ... к. филол. н. Куйбышев, 1979. 220 с.
9. **Левитов.** Стенные выселки // Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 4-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984. Т. 1. А-Й. 696 с.
10. **Подольская Н. В.** Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 40-53.
11. **Пришвин М. М.** Лесная капель: Рассказы. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1984. 223 с.
12. **Пришвин М. М.** Рассказы. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1981. 192 с.
13. **Семенов Г.** Серый олень // О братьях наших меньших: Рассказы и повести / сост. А. Комиссарова, И. Курамжина. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 295-313.
14. **Силаева О. Л., Вараксин А. Н., Ильичев В. Д.** Имитационные взаимоотношения между человеком и животными: Акустический анализ. М.: РУДН, 1999. 49 с.
15. **Суперанская А. В., Сулова А. В.** Современные русские фамилии. М.: Наука, 1981. 176 с.
16. **Тихонов А. Н.** Междометия и звукоподражания – слова? // Русская речь. 1981. № 5. С. 72-76.
17. **Тишина Е. В.** Русская ономастия: диахронный и синхронный аспекты изучения: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2010. 22 с.
18. **Шишков В.** Угрюм-река: в 2-х т. Казань: Татарское книжное изд-во. Редакция художественной литературы, 1958. Т. 1. 480 с.

NOUN FORMATION FROM THE ONOMATOPOEIC WORDS IN THE RUSSIAN AND KUMYK LANGUAGES

Alieva Samaya Azerovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Dagestan State University
samaya.alieva.00@mail.ru

The article is devoted to the comparative analysis of nouns formed from the onomatopoeic words in the languages of different typology. In spite of the long history of studying the onomatopoes, the word-formative possibilities of the onomatopoeic words are insufficiently investigated. Analysis of the nouns formed from the onomatopoeic words in the Russian and Kumyk languages indicated that in both languages common nouns are formed by affixation, but Kumyk ornithonyms are often formed by addition. Proper names (anthroponyms and toponyms) of onomatopoeic origin are used basically in the Russian language. Kumyk language is characterized by the prevalence of anthroponyms which are traced back to zoonyms.

Key words and phrases: anthroponym; affixation; onomatopoeic words; nouns; word-formation; ornithonym; toponym.

УДК 81

Любой язык отображает мир, но отображает его с определенной точки зрения – той точки зрения, с которой смотрел на него народ, создавший тот или иной язык. Следовательно, в любом языке представлены два аспекта: один связан с отражением в языке объективной реальности как таковой и другой – идиоэтнический, который отражает уже не мир как таковой, а точку зрения на него со стороны носителей этого языка. В данной статье рассматривается внешняя языковая форма, ее сравнение с внутренней языковой формой в германских и тюркских языках (на примере трудов А. Марти).

Ключевые слова и фразы: внешняя языковая форма; средства выражения языка; внутренняя форма языка; структура языка; звуковая группа.

Аликаева Лариса Солтанхаметовна, к. филол. н.

Ткаченко Светлана Александровна

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова

sv_t2002@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ФОРМЫ В ТРУДАХ А. МАРТИ

Характеристикой понятия «форма», как и его взаимосвязью с материей, в разное время занимались многие философы и лингвисты: Аристотель, Платон, В. И. Ленин, Ф. Энгельс; наряду с ними данные понятия рассматривали в своих работах такие авторы, как Т. И. Кохановская [2; 6; 7; 8; 12], в настоящее время опубликован также ряд статей современных авторов по данной теме: С. А. Ткаченко, Л. С. Аликаева [1; 10].

Все средства выражения языка можно представить как формы (т.е. как нечто «формирующееся»), в которых в качестве материала или содержания выступает нечто «сообщаемое», т.е. значение.

Однако необходимо различать внешнюю и внутреннюю языковые формы, в которых возникает содержание.

Сравнением понятий «внешняя» и «внутренняя» языковые формы занимались многие лингвисты и философы разных времен: В. фон Гумбольдт [19; 23], Т. Борше, Р. Швингер, Д. Крум, Ю. Браун, Е. Кокочкина, Л. Выготский, Г. Вишневская, М. Бертау, Ф. Шиллер [3; 13; 15; 16; 17; 20; 23; 24; 25].

Данная статья посвящена понятию «внешняя языковая форма» и ее существенным отличиям от внутренней формы языка.

Внешней языковой формой называют те характеристики данного средства выражения определенного «сообщаемого», которые при рассмотрении текущего состояния этого «сообщаемого» воспринимаются внешне, или на уровне чувств; внутренняя языковая форма, напротив, представляет собой такие особенности средства выражения, которые можно распознать лишь изнутри. Генетические особенности – это такие различия в том или ином направлении, об особом характере которых нам сообщает не текущее состояние или способ функционирования средства языка, а только обстоятельства их возникновения [21, S. 121].

Только после выделения этих особенностей, формирующих понятие языковой формы, можно говорить о том, что входит в тот или иной класс.

Воспроизведение с помощью звуков и жестов имеет существенные различия во внешней языковой форме, которые не ведут к противоречиям.

Очевидно, что то же самое можно сказать и о ситуации, когда что-либо сначала выражается посредством одного звука или комбинации звуков, а потом – посредством другого звука или комбинации звуков, и наоборот; когда что-либо выражается посредством определенной звуковой формы, а потом – посредством множества звуковых форм и их особого расположения относительно друг друга. Все это мы относим к различиям, воспринимаемым внешне, на уровне чувств.

Такие различия можно рассмотреть на примере латинского и английского языков (в латинском языке родительный падеж выражается через *hominis* (человека), в английском – через *of the man* (человека) (т.е. через предложное сочетание), в качестве различий в звуковой форме – например, то обстоятельство, что в латинском языке слово «человек» (нем. «Mensch» – человек) звучит «homo»).

Однако такое ограничение А. Марти считает неоправданным [Ibidem, S. 122]. Слова *homo* и *Mensch*, бесспорно, различаются и по звуковой форме. То же справедливо и для пары «*hominis* – *of the man*». В обоих этих случаях звуки выступают в качестве языковых символов, и поэтому различие в звуковой форме является здесь одновременно различием в языковой форме. И поскольку здесь речь идет не о генетических особенностях, а лишь о фактической структуре средств выражения, то разница между словами *homo* и *Mensch*, с одной стороны, и между словами *hominis* и *of the man*, с другой стороны, состоит лишь в том, что в последнем случае имеет место глубокое различие, или, если хотите, ряд различий, из которого одно слово может выпасть, а другое – остаться. Но различия между *hominis* и *of the man* также заключаются в том, что в одном случае идет речь о сочетании слов, а в другом – о применении совершенно разных методов выражения, в то время как слова *homo* и *Mensch* имеют общий способ выражения и различаются лишь в частном.

Как полагает А. Марти, менее глубокое различие, которое, помимо расхождений, указывает и на совпадение, является таким же значительным различием в языковой форме, как и глубокое различие (например, между словами *hominis* и *of the man*). Но отсюда возникает другой вопрос. Разве такие и подобные им различия – например, является ли определенный язык флективным и в какой степени; является ли язык префиксальным или суффиксальным и в какой степени – словом, все, что принято называть характерными особенностями построения и структуры – не относятся к внутренней языковой форме? Так считает Б. Дельбрюк – один из признанных лингвистов нового поколения [18, S. 42].

В своей известной работе о языке якутов (интерес к языку якутов проявляли в свое время также такие исследователи, как А. И. Гоголев, Н. Д. Дьячковский, Л. Н. Харитонов, П. А. Слепцов [4; 5; 9; 11]) О. Бётлингк приводит описание своеобразного построения этого языка. Он отмечает, что в нем не развита категория грамматического рода и степени сравнения прилагательных; что вместо определенных окончаний оформленного и неоформленного винительного падежа в этом языке имеются дательный, творительный, звательный, инструментальный, наречный, сравнительный и комитативный падежи; что личная форма глагола и глагольные имена в настоящем, прошедшем и будущем времени принимают особую утвердительную или отрицательную форму и т.д. [14, S. 182-184].

Но данная классификация и способ сомнительны, ибо здесь речь идет об особенностях в способе выражения, которые не воспринимаются на уровне чувств. Это можно подтвердить на примере суффиксального или префиксального словообразования. Получается, что при абсолютно одинаковой звуковой форме мы имеем дело с двумя словами с совершенно разными структурами. Эта же звуковая группа, например, (фиктивная) звуковая комбинация абар (якут. злиться, раздражаться) могла бы быть значимой в каком-нибудь языке, в котором элемент аб считался бы префиксом, в другом языке он мог бы считаться суффиксом, а в третьем такой внутренней структуры вообще могло бы не существовать. Тот, кто понимает эти различия, видит в символах больше, чем то, что предлагает нам чувственное восприятие; он понимает их «внутренний» характер. Таким образом, такие различия в структуре слов относятся исключительно к внутренней языковой форме [21, S. 124].

Само по себе это обоснование кажется впечатляющим только на первый взгляд. Конечно, чувственное восприятие не дает нам информацию о том, является ли определенная часть слова суффиксом или префиксом и изменчива ли она. Здесь речь идет не об описательных, а о генетических особенностях слов. Например,

понятно, что предлог *kraft* произошел от существительного *Kraft* (нем. сила) в результате изменения функции и что окончание *te* в слове *liebte* (прош. вр. глагола *lieben* – любить, любил) произошло от слова, которое означало *er tat* (он делал, совершал). Все выше сказанное означает, что это не результат непосредственного восприятия, а лишь гипотетическая выдумка, подобно теории, согласно которой значение слова *liebte* сформировалось посредством комбинации *lieb*, указывающей на действие любви, где *te* указывает на прошедшее время и третье лицо [Ibidem].

Сами по себе эти существующие или предполагаемые слова, предположительно считающиеся элементами, из которых сформировались предлог *kraft* и глагол прошедшего времени *liebte*, воспринимаются или воспринимались бы на уровне чувств, если бы они действительно (а не фиктивно) являлись словами. И это является подтверждением того факта, что данные слова не выходят за рамки чувственного восприятия. Поскольку они не относятся к этой категории, то, помимо внутренней и внешней языковых форм, следует выделить класс генетических особенностей языковой формы. Именно к этой третьей категории и относятся рассмотренные выше слова.

При этом то, что мы называем внешней языковой формой, присутствует в тех различиях в структуре языка, называемых Дельбрюком, согласно которому разные формы равнозначных языковых средств – например, *τοῖν εἶοιρ* (греч.) и *den beiden Göttern* (нем. обоим Богам) и соответственно *der beiden Götter* (нем. обоих Богов) или слова *hominis* и сочетания *of the man* – можно отличить друг от друга и без генетических особенностей [18, S. 42–43]. Эти различия воспринимаются на уровне чувств. Здесь также можно вести речь о внешне различимой характеристике в современной структуре знаков (если в определенных языках имеются группы знаков), которые обладают не только аналогичной функцией, но и частично совпадают по форме – например, *hominis*, *originis* (лат. *origo*, *inis* –f, начало, происхождение) и т.д., с одной стороны, и *of the man*, *of the wife* (анг. жены, женщины), с другой стороны. Мы полагаем, что это особенности «внешней языковой формы». Подобно разнице между словами *hominis* и *of the man* и аналогичными им словами, по взглядам Антона Марти, – по крайней мере, частично – следует считать различием во внешней языковой форме и тот случай, когда простые именные части речи (до этого мы не рассматривали конкретно именные части речи) одного языка в большинстве своем не совпадают со словами другого языка. Такой признанный ученый, как Э. Целлер относит данное различие к «внутренней языковой форме» [21, S. 125]. Отсюда следует, что не все ученые едины в вопросах определения понятий «внешняя» и «внутренняя» языковая форма. Целлер говорит об общеизвестном факте. Многие простые именные части речи (имена) одного языка не находят соответствий в другом языке в виде таких же изодинамических простых выражений. Имеются соответствия с родственным значением (которые не совсем верно называют синонимами), а для того чтобы получить символ с точно таким же значением, необходимо иногда сформировать определенную синтаксическую структуру – так называемую перифразу.

Рассматривая природу и причины этого явления, необходимо, прежде всего, различать следующие два случая. Имя, для которого в другом языке отсутствует эквивалент, в одном случае может являться именем понятия (или в случае двусмысленности – нескольких таких понятий), сформированного посредством простой абстракции; и в другом случае – может являться именем предикативного понятия (или в случае двусмысленности – нескольких таких понятий).

В первом случае несовпадение двух слов с родственным значением может состоять либо в том, что их значение является расплывчатым (причем одинаковым образом расплывчатым), либо в том, что слово одного языка является однозначным, а слово другого языка – двусмысленным, или же они оба многозначны, но в разном направлении (из-за чего они совпадают не во всех своих значениях). Часто расплывчатость значения и многозначность связаны друг с другом – так, что второе скрывается под первым. Примером этому служат названия цветов в разных языках: немецкое слово *blau* (голубой, синий), означающее конкретный основной цвет и определенное число его тонов, и латинское *caeruleus* (синий, голубой), немецкое *grün* (зеленый) и греческое *χλωρός* (зеленый) и т.д. Возможно, в другом языке не существует слова, которое бы описывало точно такую же группу тонов – не больше и не меньше; в этом случае речь идет об отсутствии точного эквивалента.

Рассмотрим другой случай, где мы имеем дело с простыми именами для предикативных понятий – например, *Mensch* (человек), *Pferd* (лошадь), *Oberschenkel* (бедро), *Hammer* (молоток), *Zange* (щипцы), *Tugend* (добродетель), *Laster* (порок) и проч. В данном случае различие между разными языками также может частично заключаться в том, что такое имя в одном языке является двусмысленным, а в другом может быть эквивалентно ему в одном значении, но не совпадать с ним в других.

Но если проанализировать однозначное слово или основное значение многозначного слова, то различия между этими словами в разных языках ощутимы, так как для определенного сочетания критериев, которое формирует понятие *Oberschenkel* или *Hammer*, в определенном языке не существует простого имени, но его можно перефразировать посредством соединения или взаимного определения существительных с общим значением. Существует огромное множество предикативных понятий, и, естественно, в каждом языке лишь ограниченное количество таких понятий имеют описание. Однако основание для того, чтобы выразить структуры при помощи понятий, встречается чаще, чем возможность употребления простого имени. Более того, зачастую эти связи являются очень сложными. Стоит лишь подумать о таких понятиях, как *Hund* (собака), *Pudel* (пудель), *Pferd* (лошадь), *Apfelbaum* (яблоня), о разнообразных инструментах и средствах для удовлетворения наших потребностей, о понятиях разнообразных социальных связей – таких как *Wechselschuldgläubiger* (наблюдатель за изменением меры пресечения), *Bräutigam* (жених), *Stiefbruder* (сводный брат) и т.д. Наша речь стала бы более медленной, если бы существительные для сложных понятий формировались посредством сочетания названий для отдельных признаков (т.е. для более простых понятий, входящих в состав сочетания) –

аналогично структуре мысли. Мы бы создавали простые названия, которые – подобно сиглам из габельбергской стенографии – не позволяли бы определить структуру выраженной мысли, но при этом были бы короче или компактнее, чем те имена, по которым ее можно было бы определить.

Однако тем, кто хочет избежать сложности выражения, угрожает опасность увеличения количества языковых символов, что может оказаться непосильной ношей для нашей памяти. Как уже отмечалось, существует неограниченное количество сложных сочетаний, состоящих из разных элементов и обладающих разной степенью сложности; и в условиях постоянно развивающихся духовной жизни и коммуникаций большое количество этих сложных сочетаний хотя бы иногда нуждается в описании. Такое положение вещей требует поиска компромисса: для тех сложных понятий, о которых часто заходит речь, придумать простые названия, а для остальных – создать описание посредством упомянутой комбинации. Поскольку мышление и взаимное общение, находящиеся под влиянием различных внутренних и внешних факторов, у разных народов движутся в разных направлениях и достигают разных ступеней развития, то сложные мысли, которые чаще всего и побуждают к созданию описания, у разных народов отличаются своеобразием и уникальностью. Так, простому названию слова из одного языка может соответствовать лишь сочетание в другом языке. Подобные обстоятельства также приводят к тому, что даже в рамках одного и того же языка представители определенной профессии используют определенный набор терминов, которые людям непосвященным (даже если они владеют иностранными языками) могут быть неизвестны. В этом случае (а также в случае аналогичного и более масштабного проявления этого явления между разными языками) различие объясняется не только разными положениями и существенными обстоятельствами, в которых находились и находятся носители данного языка, но и просто судьбой, удачей и неожиданными случайностями, повлиявшими на развитие языка.

Тогда возникает вопрос: можно ли подобные различия между разными языками в масштабе и форме стенограмматического характера их названий и ранее упомянутые расхождения в однозначности и многозначности, а также разные формы расплывчатости значений названий – словом, все, что не совпадает, – считать следствием различий во «внутренней языковой форме»?

На данный вопрос А. Марти однозначно отвечает – нет. Напротив, если определенные слова – например, *grün* и *χλωρός* (нем., греч. зеленый) из-за «расплывчатости» в разных направлениях и нечеткости границ не полностью совпадают, то это является следствием разницы в выражаемой мысли. Чаще всего размытые понятия формируются согласно типам, вне зависимости от того, выделяется ли данный тип в этимологии слова или нет (как в словах *violett* (нем. фиолетовый), *orange* (нем. оранжевый) и проч.). В том случае, если сходство с типом само по себе не является расплывчатым понятием с непостоянными границами, то у разных народов и в разных языках такие понятия и названия отличались бы за счет того, что в качестве типа выступает не тот же самый предмет, а понятие более или менее близкое и родственное.

Так, значения таких немецких слов, как *groß* (большой), *klein* (маленький), *schnell* (быстро) и проч., могут колебаться и изменяться не только у разных народов, но с течением времени у одного и того же народа. Сейчас понятие *Schnellfahren* (быстрая, скорая езда) относится как к почтовым лошадям, так и к автомобилю [Ibidem, S. 129].

Что касается остальных или вышеупомянутых случаев несовпадения названий, то они представляют собой различия во внешней языковой форме; однако эти различия носят весьма общий характер и могут выступать как в виде особых различий, так и в виде совпадений другого рода. Например, когда в одном языке два разных понятия, выражаемые посредством двух разных по звучанию слов *diversus* (лат. различный) и *mortuus* (лат. мертвый, умерший), в другом языке выражаются посредством одинаковым по звучанию слова *verschieden* (нем. различный). Одному значению соответствует одно описание, нескольким значениям – множество описаний, и, следовательно, существование двусмысленности указывает на то, что определенное количество разных описаний звучит одинаково, а существование синонимии – напротив, указывает на наличие множества разных по звучанию форм или разных способов произношения. Точно так же дело обстоит и с различиями во внешней языковой форме (только они имеют более общий характер), когда в одном языке определенное предикативное понятие, как, например, *Nadel* (нем. иголка) или *Schere* (нем. ножницы), описывается простым словом, а в другом языке – сочетанием из нескольких слов.

И здесь А. Марти высказывает свои сомнения: если, согласно ему, в качестве внешней языковой формы им рассматривается лишь то, что относится к влиянию на нас языкового символа на уровне чувств, а в качестве внутренней языковой формы – все остальное или, выражаясь точнее, то, что языковой символ не может сообщить сам, то в качестве внутренней языковой формы необходимо рассматривать такие различия, как: является ли какое-либо слово однозначным или многозначным или соответствует ли какому-либо множеству слов в одном языке такое же значение, как какому-либо одному слову в другом языке. Ведь такие различия не воспринимаются на уровне чувств.

Только если под понятием «не воспринимаемый на уровне чувств» подразумевается то, что символы действительно являются символами (т.е. что обладают значением), можно признать, что они не имеют отношения к внешнему чувственному впечатлению. Однако это внутреннее и не воспринимаемое на уровне чувств впечатление относится не только к языковой форме, но и к содержанию, выражаемому посредством этой языковой формы. Если принять во внимание то обстоятельство, что содержание связано со звуковой формой, как, например, различие между квадратом и равнобедренным прямоугольным четырехугольником или между словами *mortuus* и *verschieden*, то мы рассматриваем их как различие в «языковой форме», а не только в «звуковой форме»; иными словами, определенные звуковые комбинации и сочетания звуковых комбинаций мы относим к «формам», которым в виде материи или содержания соответствует какое-либо значение. О различии

в языковой форме – будь то внутренней или внешней – следует говорить, как полагает А. Марти, только при условии наличия такой разницы, которая относится, прежде всего, не к самому выражаемому предмету, а к способу описания или методу выражения. И когда такая разница воспринимается на уровне чувств, то она, по мнению А. Марти, называется «внешней языковой формой»; а если она относится к области внутреннего опыта, то – «внутренней языковой формой». То обстоятельство, имеет ли данное описание определенного значения одинаковое звучание в разных языках или же различие в функции сопровождается различием в звучании, является воспринимаемым на уровне чувств различием в методе выражения. Подобное можно сказать также и в случае, если бы выражаемое посредством названия составное понятие имело бы одинаковую структуру в разных языках. И для того, чтобы избежать недопонимания, необходимо добавить, что в обоих случаях присутствует преимущественно различие во внешней языковой форме, которое не всегда этим исчерпывается, ибо одновременно в слове могут присутствовать как различие во «внешней», так и во «внутренней» языковой форме. С одной стороны, это различие можно представить в виде так называемой фигурной внутренней языковой формы (например, при наличии двусмысленности); с другой стороны, в виде конструктивной внутренней языковой формы (например, различие между расчлененными названиями, структура которых соответствует структуре мысли, и описаниями без такой структуры).

Таким образом, в языке все средства выражения можно представить как формы, которые, в свою очередь, могут отличаться своей внутренней и внешней сторонами. Генетические различия этих сторон языкового выражения говорят нам лишь об обстоятельствах возникновения средств выражения языка. Лишь выделяя особенности состояния, способы функционирования, обстоятельства возникновения различий между внешней и внутренней сторонами языка, мы можем говорить о том, какое слово входит в тот или иной класс.

Ввиду всего вышесказанного, можно утверждать, что содержание и охват такого понятия, как «внешняя языковая форма», представлены достаточно глубоко и сформулированы таким образом, что данное понятие соответствует естественному и четко определенному классу явлений. К сожалению, в литературе этот термин не всегда употребляется правильно и однозначно.

Список литературы

1. Аликеева Л. С., Ткаченко С. А. А. Марти и концепции происхождения языка [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования: электронный журнал. 2015. № 1-1. URL: <http://www.science-education.ru/121-19305> (дата обращения: 25.12.2015).
2. Аристотель. Метафизика: в 14-ти кн. / пер. А. В. Кубицкого. М. – Л.: Соцэкгиз, 1934. Кн. 3. 348 с.
3. Вишневская Г. М. Новые формы существования языка и языковая вариабельность: XXI век // Успехи современного естествознания. 2013. № 5. С. 121-122.
4. Гоголев А. И. Якуты: проблемы этногенеза и формирование культуры. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.
5. Дьячковский Н. Д. Звуковой строй якутского языка. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1977. 256 с.
6. Кохановская Т. И. Философия: учеб. пособие для высших учебных заведений. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 576 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Просвещение, 1974. Т. 18. 525 с.
8. Платон. Сочинения: в 2-х т. / пер. Н. В. Карпова. Ч. 1-2. СПб., 1841. 415 с; 1842. 386 с.
9. Слепцов П. А. Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск: Наука, 1990. 276 с.
10. Ткаченко С. А. К вопросу о форме и материи в философии и языке в сопоставлении научных взглядов А. Марти и В. Вундта [Электронный ресурс] // Вектор науки ТГУ. 2015. № 2 (32-1). С. 133-137. URL: <http://edu.tltsu.ru/sites/site.php?s=3456&m=52384> (дата обращения: 10.07.2015).
11. Харитонов Л. Н. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск: Кн. изд-во, 1943. 84 с.
12. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50-ти т. М.: Просвещение, 1970. Т. 20. С. 339-626.
13. Bertau Marie-Cécile. Anreden, Erwidern, Verstehen: Bd. 37 // International Cultural-historical Human Sciences. 2011. Lehmanns Media Verlag, Berlin. 424 S.
14. Böhntlingk O. Über die Sprache der Jakuten; Grammatik, Text und Wörterbuch. Besonderer Abdr. des 3en Bandes von A. T. v. Middendorff's Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens. St. Petersburg, 1851. 459 S.
15. Borsche T. Die innere Form der Sprache. Betrachtungen zu einem Mythos der Humboldt-Herme(neu)tik // Sprache und Bildung. 1987. S. 193-216.
16. Braun J. Linguistik-Server Essen: Innere Sprache. Redaktion LINSE. 11 S.
17. Croome D. Gefühl und Erkenntnis. Darmstadt, 2003. 247 S.
18. Delbrück B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Karl J. Trübner, 1897. 596 S.
19. Humboldt von W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts (1835) // Flitner A. & Giel K. Studienausgabe in 5 Bänden. Darmstadt, 1963. Bd. 3. S. 368-756.
20. Kokochkina E. De Humboldt à Potebnja: Évolution de la Notion d'«innere Sprachform» dans la Linguistique Russe // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2000. № 53. P. 101-122.
21. Marty A. Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. Erster Band. Halle, Verlag von Max Niemeyer. 764 S.
22. Scharf H.-W., Borsche T. Wilhelm von Humboldts Sprachdenken. Die innere Form der Sprache. Symposium zum 150. Todestag (Düsseldorf, 28.-30.06.1985). Essen: Hobbing, 1989. S. 47-65.
23. Schiller F., Humboldt von W., Humboldt von A. Die Realität der Realisten / Herausgegeben von H. Feger, H. Brittnacher. Köln, Weimar: Verlag GmbH&Cie, 2008. 284 S.
24. Schwinger R. Innere Form. Ein Beitrag zur Definition des Begriffes auf Grund seiner Geschichte von Shaftesbury bis W. v. Humboldt. Dissertation an der Universität Leipzig. München, 1935. 166 S.
25. Wygotski L. Die innere Sprache. Berlin, 1906. 10 S.

THE PECULIARITIES OF EXTERNAL LANGUAGE FORM IN THE WORKS BY A. MARTY

Alikaeva Larisa Soltankhametovna, Ph. D. in Philology

Tkachenko Svetlana Aleksandrovna

Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov

sv_t2002@mail.ru

Any language reflects the world, but reflects it from a certain point of view – the point of view from which the nation, which created this or that language, looked at it. Consequently, in any language two aspects are presented: the one is connected with the reflection of an objective reality as it is and the other is idio-ethnic, which reflects not the world as it is, but the point of view on it from the part of native speakers. The paper examines the external language form, its comparison with internal language form in the German and Turkic languages (by the example of the works by A. Marty).

Key words and phrases: external language form; means of language expression; internal language form; language structure; vocal group.

УДК 81

Статья находится в русле актуальных междисциплинарных проблем современной когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и литературоведения, связанных с изучением реализации архетипов inferнального мира в художественной литературе, которые в процессе диффузии архетипического и исторического в культуре обрастают дополнительными коннотациями и предстают в виде сложных когнитивных конструкций. В данной статье автором преследовалась цель на примере романа Ч. Р. Метьюрина «Мельмонт Скиталец» раскрыть структуру inferнального архетипа «Демон» и на базе анализа классификаторов когнитивной матрицы выявить доминантные символы архетипического смысла данного архетипа.

Ключевые слова и фразы: inferнальный архетип; доминантные символы; когнитивная матрица; архетипический смысл; готический роман.

Арутюнян Нарине Левоновна, д. филол. н., доцент
Ереванский государственный университет
harutyunyannarine12@yahoo.com

АРХЕТИПЫ ИНФЕРНАЛЬНОГО МИРА (НА ПРИМЕРЕ ИНФЕРНАЛЬНОГО АРХЕТИПА «ДЕМОН» В РОМАНЕ Ч. Р. МЕТЬЮРИНА «МЕЛЬМОНТ СКИТАЛЕЦ»)

Представления о том, что существует мир потустороннего зла – inferнальный мир, в его первоначальном виде, появились еще в доисторические времена. Как в религиях, так и в эзотерических учениях адские потусторонние существа или inferнальные архетипы персонифицировались и составляли так называемый «пантеон зла».

Еще с древности inferнальный¹ мир отражается в наскальных рисунках, в страшных сказках, балладах, в устном народном творчестве, хрониках, Священном Писании и т.д. Этот мир, будучи сокрытым от человеческих глаз, тем не менее очень хорошо представлялся и обрисовывался древними людьми как место, куда направляются души неправедных. Загадочные сущности, обитающие там, и наводимый ими трансцендентальный ужас как составной элемент наблюдаются в самом раннем фольклоре, поверьях и обрядах практически всех народов мира. Так, например, армянская мифология и фольклор изобилуют inferнальными созданиями, миром духов и демонов, изнуряющих людей болезнями и другими несчастьями. Среди армянских сверхъестественных существ inferнального мира можно выделить *драконов, дэвов, качей, алов, грохов* и т.д.

На Западе inferнальный мир в фольклоре связан с обычаями древнего, относящегося к доарийским временам, ночного культа плодородия. Так, например, сюжеты о вампирах восходят к архаическим представлениям и культам, связанным со смертью и возрождением Солнца в период зимнего солнцестояния. Как на Востоке, так и на Западе в период средневековых народов вновь обратились к полученным ими в наследство inferнальным существам – зловещим демонам, оборотням, вампирам, призракам и т.д.

Образы, найденные в мифах, фольклоре, поверьях и обычаях различных народов, свидетельствуют об универсальности мировоззрения многих народов и об общем страхе перед демоническими сущностями, передаваемом из поколения в поколение. Однако в то же самое время в определенной национальной культуре они обрастают своими, присущими лишь им свойствами и характеристиками, при этом не теряя основной семантической доминанты, что позволяет причислить их к «архетипам».

Согласно Ю. Степанову, «двойственность “осязаемого” мира – константа, принявшая в христианстве вид противопоставления “святого” и “скверны”, – продолжила более ранние представления о строении мира, где

¹ Лат. *infernus* или *inferna* означает «ад» и образовано от *inferus* – «нижний, находящийся внизу», «подземный». Из латинского слова возникли итальянское *inferno*, французское *enfer*, испанское *infierno*, древнеирландское *ifern*, современное ирландское *eifreann*, валлийское *uffern*, бретонское *ifern* [7].